

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОПОРЯДКА

Влияние конституционных прав на российскую правовую систему

Алексей Должиков

Настоящая статья посвящена воздействию конституционных прав на основные отрасли российской правовой системы особенно посредством конституционного судопроизводства. Работа начинается с общей характеристики влияния конституционных прав на национальный правовой порядок. В статье характеризуются две главные функции конституционных прав в отношении государства, включая негативную (защита от государства) и позитивную функцию (поддержка со стороны государства). Особое внимание также обращается на вопрос об адресатах (обязанных лиц) конституционных прав. Далее анализируется разграничение влияния конституционных прав относительно публичной власти («вертикальный эффект») и частных лиц («горизонтальный эффект»). Такой контекст помогает определить некоторые тенденции в процессе конституционализация правового порядка применительно к публичному и частному праву.

→ Конституционные права; конституционное судопроизводство; конституционализация; горизонтальный эффект

Воздействие конституционных прав и свобод человека и гражданина на иные отрасли российского права относится к числу неразработанных тем в отечественном конституционализме. Сохраняющиеся в доктрине суждения об этих правах как регуляторах взаимоотношений личности, общества и государства часто не позволяют решать практические вопросы, которые могут возникнуть в конституционном и обычном судопроизводстве. Вот только некоторые из таких вопросов.

Обязательны ли непосредственно для физических и юридических лиц конституционные нормы в рассматриваемой сфере без их конкретизации в законодательстве и подзаконных актах?

Каковы пределы воздействия конституционных норм о правах человека и гражданина на публичное право?

Не приводит ли такое воздействие к стиранию грани, например, между конституционным и административным правом?

Могут ли указанные права быть основанием гражданско-правового иска, в частности, в случае дискриминации одним частным субъектом другого?

До какой степени в частное право могут внедряться императивные нормы?

Не означает ли это, в конечном счете, существенного сокращения автономии частных лиц?

Соответственно, целью настоящей публикации является анализ влияния конституционных прав человека и гражданина на иные отрасли российского законодательства в процессе конституционного судопроизводства. В предмет настоящей работы непосредственно не входят вопросы проверки Конституцион-

ным Судом Российской Федерации отраслевого законодательства на его соответствие конституционным нормам.

Общая характеристика влияния конституционных прав на российский правовой порядок

Известно, что нормы Конституции Российской Федерации (в том числе нормы о правах и свободах, помещенные в главе 2) носят системообразующий (интеграционный) характер, то есть «Конституция является базой текущего законодательства»¹. В статье 64 Конституции уточняется, что положения главы 2 «составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации». Вместе с тем назначение данных конституционных прав не сводится только к тому, чтобы быть основой текущего законодательства и правового статуса личности. В процессе их отраслевой конкретизации подобный подход может вести к искажению их истинного смысла как программных положений. В этой ситуации они переходят в разряд деклараций, а само конституционное право превращается в «виртуальную» отрасль права. Такая характеристика находит поддержку в отраслевой юридической науке. В связи с этим совершенно понятно неприятие некоторыми представителями юридической науки и практики правовых позиций Конституционного Суда РФ относительно конституционализации отраслевых норм российского права².

В то же время такая деятельность Суда не может рассматриваться как его произвольное вмешательство в «епархию» цивилистов или представителей уголовно-правовой науки — традиционные отрасли права, а должна мыслиться в качестве средства гармонизации принципов, конструкций и отдельных институтов в российской правовой системе в целом. Можно выделить несколько направлений, по которым конституционные права воздействуют на основные отрасли публичного и частного права.

«Вертикальное» действие конституционных прав и отрасли публичного права

Нормы о конституционных правах большинства современных конституций направлены в

первую очередь на урегулирование отношений между частными лицами и органами публичной власти. В связи с этим они имеют вертикальное действие (*vertical effect*)³. На вершине вертикали расположен орган публичной власти, а внизу — частное лицо. История принятия большинства конституционных актов показывает, что главной целью конституционализма является установление разного рода ограничений в качестве защиты от возможного произвола со стороны публичной власти. Соответственно, исходная функция рассматриваемых прав — негативная, заключающаяся в стремлении поставить барьер для чрезмерного в них вмешательства. Такой подход вытекает из статьи 18 Конституции, называющей субъектами, обязанными обеспечивать конституционные права, только органы государственной власти и местного самоуправления. Некоторые отдельные права в Конституции также адресованы органам публичной власти: это право на информацию (ст. 24); свобода средств массовой информации (ч. 5 ст. 29); право собственности (ч. 1 ст. 35), право наследования (ч. 4 ст. 35) и др. Следовательно, главным адресатом конституционных прав выступает государство, а влияние их наиболее заметно в отраслях публичного права. Рассмотрим характер такого влияния на примере уголовно-процессуального и административного права.

Уголовно-процессуальное право. Одним из результатов воздействия конституционных прав на уголовное судопроизводство является его гуманизация. По мнению А. И. Александрова, «гуманная уголовная политика и уголовный процесс — это атрибут правового государства, которое ставит в центр общественной жизни человека, его потребности, интересы, права и свободы»⁴. Похожие оценки можно встретить в практике Конституционного Суда РФ, который, например, считает домашний арест мерой пресечения, «более гуманной по сравнению с заключением под стражу»⁵.

Взаимодействие уголовного процесса и конституционных прав имеет исторический характер. Реформа данной отрасли права, выразившаяся в переходе от советской (инквизиционной) модели к состязательному правосудию, осуществлялась в том числе посредством последовательного внедрения Конституционным Судом в уголовное судопроизвод-

ство ряда конституционных прав. Большинство из них приобрели статус принципов в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 года⁶: это право на судебную защиту и доступ к правосудию (ч. 1 ст. 46 Конституции)⁷, право на законный состав суда (ч. 1 ст. 47 Конституции)⁸, право на квалифицированную юридическую помощь (ч. 1 ст. 48 Конституции)⁹, презумпция невиновности и право не свидетельствовать против себя самого (ст. 49 Конституции)¹⁰ и другие.

Явным и одновременно противоречивым было влияние конституционных прав на новый для российского уголовного судопроизводства принцип состязательности. Этот принцип, фактически развивающий известный еще со времен Древнего Рима общий принцип прав «*audiatur et altera pars*» (выслушай и другую сторону), нашел свое выражение в предписании Конституции о равенстве перед судом (ч. 1 ст. 19), а также в статьях о состязательности и равноправии сторон в судопроизводстве (ч. 3 ст. 123). Распространяя собственное понимание роли суда в состязательном уголовном процессе, Конституционный Суд РФ неоднократно признавал неконституционными полномочия судов возбуждать уголовные дела (Постановление от 28 ноября 1996 года № 19-П¹¹, Постановление от 20 апреля 1999 года № 7-П¹²); обязанность судов по собственной инициативе направлять дело для дополнительного расследования¹³ и т. д. Первоначально такой подход к состязательности в отечественной доктрине оценивался положительно¹⁴. А со стороны ряда представителей науки уголовного процесса изначально существовало стойкое неприятие практики Суда по применению принципа состязательности, вплоть до ее признания «тихой революцией»¹⁵. На противоречия, возникающие между принципом состязательности и особенностями российской конституционной традиции и российского правосознания, указал судья Конституционного Суда К. В. Арановский¹⁶.

В начальный период, когда только начал применяться в отечественном уголовном процессе принцип состязательности, он был неким «инородным» элементом, а конституционная судебная практика в этой сфере носила даже излишне либеральный характер. Так, Конституционный Суд РФ пришел к весьма

спорному выводу об абсолютном характере права на доступ к правосудию и о невозможности его ограничения¹⁷. В уголовном процессе подобную позицию еще можно оправдать, поскольку любые препятствия в судебном обжаловании мер уголовного преследования объективно связаны с угрозой произвола со стороны представителей публичной власти и серьезного ущемления конституционных прав. В иных отраслях российского права подобная правовая позиция приводит, с одной стороны, к возможным злоупотреблениям в реализации права на доступ к правосудию, а с другой — к сокращению использования альтернативных способов разрешения споров (например, комиссий по трудовым спорам, третейских судов и т. д.).

В современных условиях не может не беспокоить другая крайность, а именно сокращение сферы действия конституционных принципов в уголовном процессе. Особенно явно подобная тенденция наблюдается в делах, которые касаются государственных мер по борьбе с терроризмом. Так, Конституционный Суд согласился с законодательным сокращением юрисдикции судов с участием присяжных заседателей по делам о преступлениях, связанных с терроризмом (ст. 205 «Террористический акт», ч. 2–4 ст. 206 «Захват заложника», ч. 1 ст. 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем» УК РФ и др.)¹⁸. В качестве аргумента в пользу своей позиции Суд привел утверждение о том, что «право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей не относится к числу основных прав, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения... данное право... не входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту... а выступает в качестве одной из его возможных процессуальных гарантий, предоставляемых на основе дискреционных полномочий федерального законодателя...»¹⁹ Тем самым Конституционный Суд фактически способен устанавливать границы соотношения конституционных прав и собственно норм Конституции с положениями уголовно-процессуального законодательства.

Административное право. Влияние конституционных прав на отношения между гражданами и органами исполнительной власти выражается в рационализации админи-

стративных процедур. Так, Конституционный Суд высказал свою правовую позицию относительно выдачи заграничного паспорта лишь по месту жительства граждан, указав, что такое правило ограничивает право выезда за пределы России (ч. 2 ст. 27 Конституции). Суд отметил, что «отсутствие какой-либо альтернативы для случаев, когда такой порядок не может быть использован, приводит к нарушениям названного конституционного права»²⁰.

Другим примером влияния конституционных прав на публичное право является тенденция к снятию излишних административных «барьеров» в определенных сферах частной деятельности. Так, в деле об обязательности членства в нотариальных палатах как саморегулируемых организациях частных нотариусов Суд признал не противоречащим Конституции «наделение государством нотариальных палат в соответствии с законом отдельными управленческими и контрольными полномочиями в целях обеспечения в нотариальной деятельности гарантий прав и свобод»²¹. Тем самым органы исполнительной власти передают свои контрольные функции частным лицам в порядке «аутсорсинга». Этот подход получил продолжение в деле о саморегулируемых организациях арбитражных управляющих, где Конституционный Суд пояснил, что «конституционный принцип демократического правового государства и гарантируемая Конституцией Российской Федерации свобода экономической деятельности предполагают развитие необходимых для становления гражданского общества начал самоуправления и автономии в экономической сфере, проявлением чего является создание саморегулируемых организаций, и, соответственно, — государственную поддержку и стимулирование гражданской активности в данной сфере»²². Через такое толкование конституционной свободы экономической деятельности в административное право были внедрены определенные частноправовые элементы. В целом, процесс влияния конституционных прав на административное право можно также определить как *приватизацию публичного права*.

Нельзя не отметить и существование прямо противоположных тенденций, возникающих в конституционном судопроизводстве по делам о защите конституционных прав. Конституционный Суд РФ иногда в результате

восприятия советских традиций в правовом регулировании пытается осуществить социализацию административного права. Например, признав неконституционным увольнение государственной гражданской служащей — одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет, в связи с сокращением замещаемой ею должности по инициативе представителя нанимателя, Суд фактически распространил на служебные отношения социальные гарантии, которые предусмотрены трудовым законодательством²³. В связи с этим достаточно убедительным представляется особое мнение судьи Конституционного Суда К.В. Арановского, который отметил, что наличие указанных социальных гарантий у госслужащих «приводит к избыточному регулированию в экономике, угнетает рыночные начала. Удержание множества граждан на ненужных служебных должностях утешает мнимой занятостью и видимостью социально-экономического благополучия, за которые бюджету и народному хозяйству приходится дорого платить. Скрывая диспропорции и беспорядки в экономике, такое удержание вредит рыночному хозяйству, лишает его мобильности и мешает ему вовремя ответить на опасные вызовы». Подобный вывод обращает внимание на особенности влияния конституционных прав на частное право и рыночную экономику в целом.

Конституционализация частного права и «горизонтальное» действие конституционных прав

В настоящее время процесс конституционализации отечественного частного права внешне может быть незаметен. Положения гражданского законодательства уже содержат большое число императивных норм или оценочных понятий (например, категория «основы правопорядка и нравственности» в ст. 169 Гражданского кодекса РФ), которые позволяют учитывать в частноправовой сфере требования, вытекающие из конституционных прав. В практике большинства европейских стран такое воздействие конституционных прав, в отличие от России, было эволюционным, частное право постепенно наполнялось публично-правовыми элементами, в том числе конституционными принципами и ценностями.

Если влияние конституционных прав на частноправовую сферу проследить в ретроспективе, то в советской правовой системе оно фактически отсутствовало. Плановая экономика и чрезмерно централизованное гражданское право чаще всего даже не требовали упорядочивания отдельных частноправовых отношений, которые по определению являются рыночными. Например, институт банкротства фактически не имел смысла в условиях государственной собственности на большинство предприятий и даже существовавшего феномена «планово-убыточных хозяйств». При переходе от плановой экономики к рыночной вновь вводимое законодательство в рассматриваемой сфере разрабатывалось с учетом требований, вытекающих из конституционных прав. Таким образом, законодательное регулирование частных отношений, возникших в новых экономических условиях, уже включило соответствующие конституционные принципы и ценности.

Показательным в этом отношении является влияние конституционных прав на наследственное законодательство, которое в советское время было излишне «огосударствлено». Рассмотрев в 1996 году одно из первых дел, касающихся данной сферы, Конституционный Суд, указывая на «начавшиеся в середине 1980-х годов преобразования в социально-экономической жизни страны», признал не соответствующим праву наследования (ч. 4 ст. 35 Конституции) положение действовавшего тогда еще советского гражданского законодательства, согласно которому не возникало наследования в имуществе члена колхозного двора в случае его смерти²⁴.

В деле об исключении не указанных в законе дальних родственников (двоюродная племянница и троюродная внучка) из числа наследников имущества, перешедшего к государству, Конституционный Суд использовал прием самоограничения и сослался на прерогативу законодателя в решении вопроса о расширении круга наследников по закону²⁵. Вместе с тем Суд негативно оценил прежнее советское наследственное законодательство, которое установило «значительно более узкий круг наследников по закону, чем в законодательстве большинства развитых стран мира. Такое регулирование не в полной мере отвечает изменениям в отношениях собственности, произошедшим в связи с коренной

перестройкой экономической системы в Российской Федерации. Государство, объявившее своей целью создание рыночной экономики, основанной на приоритете частного предпринимательства и частной собственности, должно обеспечивать в числе прочего и такую регламентацию права наследования, которая способствовала бы укреплению и наибольшему развитию частной собственности, исключала ее необоснованный переход к государству». При этом при разработке действующей части третьей Гражданского кодекса РФ 2001 года указанная правовая позиция Конституционного Суда среди прочего обусловила увеличение числа очередей наследства и введение понятия наследников последующих очередей, в которые могут быть включены двоюродные племянницы и троюродные внуки (ст. 1145)²⁶.

В настоящее время конституционные права вторгаются в традиционную цивилистику посредством включения публичных начал в правовое регулирование отношений частных лиц, в первую очередь императивных норм взамен диспозитивных предписаний в договорном, вещном, потребительском, антимонопольном, банкротном законодательстве и т. п.

Влияние конституционных прав на частное право сказывается и при уточнении Конституционным Судом нормативного содержания традиционных цивилистических категорий. Например, согласно правовой позиции Суда, конституционно-правовой смысл использованного в статье 35 Конституции понятия «имущество» охватывает «не только вещи и вещные права, но и права требования, в том числе принадлежащие кредиторам»²⁷. Тем самым производится конституционализация гражданско-правового понятия имущества за счет включения дополнительных объектов, подлежащих конституционной защите.

Иногда выявленный конституционно-правовой смысл отдельных юридических понятий требует комплексного изменения сразу нескольких отраслевых законов. Так, в результате признания Конституционным Судом в качестве жилища строений, расположенных на садовых земельных участках, которые ранее формально не относились к категории жилых помещений в смысле статьи 40 Конституции (право на жилище), требуется вне-

сти изменения в гражданское, жилищное, градостроительное, земельное и другое законодательство²⁸.

Кроме того, характер влияния конституционных прав на частное право зависит от решения вопроса о том, могут ли нормы главы второй Конституции обязывать частных лиц. Несмотря на положения части 2 статьи 15, в соответствии с которыми «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы», применительно к конституционным правам действует специальная норма статьи 18 Конституции, определяющая в качестве непосредственно обязанных лиц только публичную власть.

Поэтому даже с позиции норм права обязанность соблюдать конституционные права субъектами частноправовых отношений кажется проблематичной. Вместе с тем, адресуясь по общему правилу органам государственной власти, эти права на практике могут создавать обязательства и для частных лиц. Так, в германском государственном праве была разработана концепция воздействия конституционных прав на третьих лиц (*Dritt-wirkung*)²⁹, в американском конституционном праве используют доктрину государственных действий (*state actions*)³⁰, а в континентальном англоязычном конституционализме — понятие горизонтального действия прав (*horizontal effect*)³¹. Несмотря на то что большинство представителей отечественной цивилистики даже незнакомы с подобными доктринами, в современной литературе уже имеется их критика. В частности, применительно к международному частному праву Р. М. Ходыкин признает исключительно «вертикальный характер прав человека и, как следствие, очень ограниченное применение последних в договорных и иных гражданско-правовых отношениях»³². Одновременно в рамках этой же дисциплины высказаны и положительные оценки процесса взаимодействия конституционных прав и международно-го частного права³³.

В целом, названные доктрины представляют собой некую реакцию на то, что частное право не в полной мере учитывало все конституционные принципы или ценности. Одним из наиболее известных примеров применения доктрины горизонтального действия

конституционных прав является дело Люта (*Lueth*)³⁴. Конституционная жалоба в Федеральный конституционный суд Германии была инициирована Э. Лютом, чиновником мэрии Гамбурга, который призвал аудиторию немецкого кинофестиваля бойкотировать новую кинокартину В. Гарлана (*Veit Harlan*), бывшего во время Третьего рейха одним из популярных кинорежиссеров и автора нашумевшего антисемитского фильма (*Jud Süß*). На основании понесенных убытков продюсеры бойкотируемого фильма подали гражданский иск в Земельный суд и выиграли дело. Земельный суд предписал, что Лют должен выплатить штраф или его заключат под стражу за бойкот фильма Гарлана. Проблема в этом деле заключалась в том, что отношения между частными лицами — Лютом и Гарланом — первоначально были урегулированы частным, а не конституционным правом. Федеральный конституционный суд сформулировал позицию, согласно которой «основные права должны в первую очередь защищать гражданина от государства, но, будучи включенными в Основной закон, они также включают объективную систему ценностей, которая применяется, как конституционное право, в отношении всей правовой системы». Фактически данный аргумент обеспечил легитимацию широкого распространения принципов конституционных прав в различных областях правопорядка. Федеральный конституционный суд не признал непосредственного действия конституционных прав в указанных частноправовых отношениях и едва ли мог обязать Гарлана уважать конституционную свободу слова Люта. Скорее, данное решение Суда может рассматриваться как указание законодателю преобразовать частное право в соответствии с конституционным требованием свободы слова, а также в качестве руководящего принципа для судов общей юрисдикции, применяя который они смогут разрешать схожие споры частных лиц.

Таким образом, отношения двух частных лиц конституционные права прямо урегулировать не могут. Чаще всего такие частноправовые отношения конституционные нормы упорядочивают лишь опосредованно, то есть через отраслевое и иное законодательство (*косвенное горизонтальное действие*). Напротив, *прямое горизонтальное действие* конституционных прав представ-

ляется очень спорным. Теоретически можно предположить такую возможность у нормы части 2 статьи 37 Конституции РФ о запрете принудительного труда. Данная норма, например, может быть непосредственно применена при регулировании гражданско-правовых отношений между администрацией частного образовательного учреждения и студентом, заключившими договор на оказание образовательных услуг, в случае отказа последнего участвовать в субботнике, организованном администрацией. В условиях пробельности права и неприменимости к указанным частноправовым отношениям иного отраслевого законодательства суд общей юрисдикции, применяя норму Конституции, фактически может признать в данном деле прямое горизонтальное действие свободы труда. При этом в качестве сугубо конституционно-правовой проблемы такое дело можно рассматривать только на уровне материальных норм. На уровне же процессуальных норм оно является сугубо гражданско-правовым спором. Перспективы приемлемости в Конституционном Суде РФ конституционной жалобы заинтересованных лиц на нарушение именно их конституционных прав вызывают серьезные сомнения. Подача такой жалобы будет успешной, лишь если косвенно обжаловать поведение частных лиц через бездействие органов публичной власти в отношении предотвращения подобного нарушения Конституции РФ со стороны частных лиц.

В практике Конституционного Суда также можно встретить случаи определения частных лиц в качестве непосредственных адресатов конституционных прав даже без конкретизации таких обязательств в развивающем законодательстве и подзаконных актах.

Выявив конституционно-правовой смысл немотивированного исключения кандидата из списка избирательного объединения региональным отделением политической партии, Конституционный Суд констатировал обязанность такого общественного объединения соблюдать конституционные принципы правовой определенности, юридического равенства и соразмерности³⁵. Следует предположить, что решающим фактором в распространении обязанностей по соблюдению конституционных прав на общественное объединение стал публичный характер политической партии. Говорить о прямом горизонтальном

действии конституционных прав в данном деле можно только условно, поскольку федеральный законодатель в качестве опосредующего звена предусмотрел обязанность политической партии в своем уставе определить основания и порядок ограничения пассивного избирательного права кандидатов. Вместе с тем федеральный, региональный законодатель и сами политические партии ненадлежащим образом конкретизировали такие ограничения избирательных прав, что и было установлено Конституционным Судом.

Интересный пример проблемы адресатов конституционных прав демонстрирует дело, в котором Конституционный Суд подтвердил конституционность исключения из числа адресатов права на обращения редакций средств массовой информации, включая Федеральное государственное учреждение «Редакция “Российской газеты”»³⁶. В статье 33 Конституции, по мнению Конституционного Суда, «закрепляется право граждан на обращение именно в государственные органы и органы местного самоуправления, то есть к тем субъектам права, которые осуществляют функции публичной власти... Соответственно, вытекающая из статьи 33 Конституции РФ конституционная обязанность по рассмотрению обращений граждан и даче по каждому из них ответа также возлагается только на перечисленные в данной статье субъекты в лице государственных органов и органов местного самоуправления». В то же время Суд не исключает принципиальной возможности расширительного толкования круга адресатов права на обращение посредством установления соответствующих гарантий «по усмотрению законодателя в порядке дополнительного обеспечения прав и свобод человека и гражданина с учетом в том числе характера деятельности тех или иных организаций как имеющих публично-правовое значение и конкретных условий развития политико-правовой системы Российской Федерации». Именно таким усмотрением воспользовались некоторые региональные законодатели. Так, Закон Алтайского края от 29 декабря 2006 года № 152-ЗС (с изм. от 29 ноября 2010 года) «О рассмотрении обращений граждан Российской Федерации на территории Алтайского края» предусматривает в качестве дополнительных адресатов права на обращение краевые государственные уни-

тарные предприятия, краевые государственные учреждения, муниципальные унитарные предприятия и муниципальные учреждения (ч. 3 ст. 1)³⁷.

Для анализа особенностей статуса подобных адресатов конституционных прав может быть полезной доктрина прямого эффекта права Европейского Союза (далее — ЕС) и практика Суда ЕС по ее применению. Такое сравнение будет релевантным проблемам конституционных прав, поскольку «Суд обязан черпать вдохновение в конституционных традициях, общих для государств-членов, а потому не может поддержать меры, которые несовместимы с основными правами, признанными и гарантируемыми конституциями этих государств» (п. 13)³⁸. Применительно к прямому эффекту Суд ЕС признает в качестве адресатов основных прав «государственные эманации», в том числе местные или региональные органы власти³⁹; автономные органы, ответственные за поддержание общественного порядка и безопасности⁴⁰, и публичные образования, оказывающие услуги в сфере здравоохранения⁴¹. Общие критерии признания учреждения «эманацией государства» были установлены Судом ЕС в деле относительно корпорации-монополиста, контролирующей систему поставки газа в Великобритании⁴². Это должны быть «организации или органы, которые находятся во власти или под контролем государства или имеют специальные полномочия, отличные от тех, которые вытекают из обычных правил, применяемых в отношениях между частными лицами» (п. 18), а также «образования, вне зависимости от их организационно-правовой формы, которые были созданы в соответствии с мерами, предпринимаемыми государством, в качестве компетентных за обеспечение публичных услуг под контролем государства, и имеющие для этих целей специальные полномочия, отличные от тех, которые вытекают из обычных правил, применяемых в отношениях между частными лицами» (п. 20). Таким образом, наряду с органами публичной власти существуют и другие образования, которые действуют в частноправовой сфере от имени государства или осуществляют определенные властные полномочия. Тем самым их публичная деятельность может затрагивать конституционные права, а иногда и противоречить им.

Одновременно расширение круга адресатов конституционных прав связано с опасностью стирания грани между публичным и частным правом. Такое излишнее обязывание субъектов частного права с помощью конституционных прав вызывает обоснованные возражения. В особом мнении судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова (Постановление от 19 декабря 2005 года № 12-П) подчеркивается «тенденция чрезмерно широкого употребления термина “публичный” как оправдания вмешательства государства в свободу экономических и иных отношений, являющихся сферой личных интересов граждан и юридических лиц. Позиция, когда публичные мотивы оправдывают и покрывают любое произвольное ограничение принципов добровольности, диспозитивности и равенства отношений автономных субъектов, не только абсолютно размывает традиционные и естественные границы частноправового и публично-правового регулирования до их полного смешения, но и представляет несомненную угрозу для всех индивидуальных прав и свобод»⁴³. В конечном счете такая чрезмерная конституционализация частного права может вести к существенному сокращению автономии физических и юридических лиц, которая предопределяется целями построения в России правового государства и закреплением свободы экономической деятельности как основ конституционного строя. В свою очередь сбалансированное с точки зрения конституционных прав частное право нередко приводит к появлению «социализированных» отраслей права.

Значение конституционных прав в формировании «социализированных» отраслей права

Влияние конституционных прав на так называемые социализированные отрасли права, смежные с публичным и частным правом (например, трудовое, экологическое, жилищное, образовательное право), имеет свою специфику. Например, нормы Конституции РФ содержат исключения из правила о вертикальном действии конституционных прав в отношении указанных отраслей, что не наблюдается применительно к «классическому» частному праву. Согласно части 4 статьи 43, обязанность по осуществлению права на основ-

ное общее образование возлагается на родителей (или заменяющих их лиц), которые «обеспечивают получение детьми основного общего образования». Соответственно, такие нормы Конституции могут оказывать непосредственное регулирующее воздействие на отношения между ребенком и родителями.

В российских условиях влияние конституционных прав на рассматриваемые отрасли права имеет актуальное значение. В теоретическом смысле самостоятельное существование данных отраслей (отличное от «классического» гражданского права) может быть обосновано преобладанием публичных интересов над частным. Вне конституционализации «социализированные» отрасли немислимы. Например, с учетом истории становления законодательства и судебной практики, допустимо говорить о том, что в большинстве современных государств трудовое право представляет собой «конституционализированное» гражданское право. С этой позиции трудовое право можно рассматривать в качестве частного права, наполненного императивными нормами, которые направлены на защиту работника как слабой стороны трудовых отношений. В противном случае данная отрасль права теряла бы смысл, а трудовые отношения продолжали бы регулироваться гражданско-правовыми нормами.

В российском же контексте наблюдается и обратная тенденция — деконституционализация, или приватизация, трудового законодательства. Такая тенденция предполагает сокращение публичных начал в правовом регулировании трудовых отношений и расширение частной автономии. В качестве примера служит рассмотренное Конституционным Судом РФ дело о дополнительных социальных гарантиях, согласно которым невозможно уволить работников, которые воспитывают детей-инвалидов или входят в состав профсоюзных органов, даже в случаях виновного неисполнения или ненадлежащего исполнения ими своих трудовых обязанностей. По мнению Суда, такие меры социальной защиты работников превратились в несоразмерное ограничение свободы предпринимательства работодателя. Поэтому законодатель должен «обеспечивать баланс соответствующих конституционных прав и свобод, являющийся необходимым условием гармонизации трудовых отношений в Российской Федера-

ции как социальном правовом государстве»⁴⁴.

Вместе с тем в конституционной судебной практике наблюдаются случаи чрезмерной социализации отдельных отраслей законодательства. Признание социальной функции необходимо не во всех сферах общественных отношений. Так, вызывает сомнение правовая позиция Конституционного Суда РФ, признающего не противоречащими Конституции льготные 50-процентные тарифы для пассажиров воздушного судна, перевозящих с собой детей в возрасте от двух до двенадцати лет, с предоставлением им отдельных мест⁴⁵. Показательно, что Суд не только дал историческое толкование рассматриваемой нормы со ссылкой на «традиции» существования такой льготы еще в советском воздушном законодательстве, но и аргументировал свое решение тем, что «деятельность по оказанию услуг по перевозке пассажиров воздушным транспортом является социально необходимой и публично значимой, то есть воплощает в себе публичный интерес, что обуславливает правомочие федерального законодателя при регулировании общественных отношений в этой сфере закрепить в законе условия осуществления данного вида предпринимательской деятельности с учетом социально-экономического значения воздушного транспорта и необходимости обеспечения доступности предоставляемых услуг для граждан с точки зрения возможности реализации ими своих конституционных прав и свобод».

Такая социализация транспортного законодательства явно не учитывает произошедших изменений в сфере воздушной авиации, ведь в советское время в условиях социалистической экономики государство было единственным авиаперевозчиком. Конституционный Суд избегает экономического анализа рассматриваемых отраслевых норм. На это обстоятельство прямо указал судья Г. А. Гаджиев в своем особом мнении, в котором верно подчеркивается, что «данная гражданско-правовая норма регулирует оказание соответствующих услуг потребителям и не имеет никакого отношения к социальному законодательству». Достаточно убедительным является и аргумент судьи о том, что, «если компания-авиаперевозчик при определении базового тарифа на перевозки будет исходить из предположения (экономической презумп-

ции), что каждый взрослый пассажир потенциально может везти ребенка... все расходы, связанные с льготным пятидесятипроцентным провозом детей, будут включены в себестоимость провоза всех взрослых пассажиров, что приведет к росту цен на авиаперевозки». Кроме того, признавая конституционность данной льготы для детей, Суд фактически допускает переложение конституционных обязательств государства по социальной поддержке детства на частных авиаперевозчиков, которые, в свою очередь (что прогнозируемо), переложат данное бремя на других частных лиц.

Следовательно, излишняя конституционализация частного права может приводить к негативным социальным последствиям. Соответственно, от взвешенного решения органов конституционного контроля по согласованию нередко конфликтующих частных и публичных интересов зависит устойчивость национальной правовой системы в целом.

На основании вышеизложенного можно прийти к некоторым выводам. Влияние конституционных прав на правовое регулирование общественных отношений иными отраслями российского права носит объективный, хотя и противоречивый, характер. От неприятия отраслевой правовой наукой конституционного судопроизводства в рассматриваемой сфере необходимо перейти к разработке механизмов взаимного действия конституционных норм и положений других отраслей российского права. Соответственно, конституционализацию отраслей российского права можно определить как влияние на них конституционных прав в целях достижения оптимального с точки зрения Конституции согласования публичных и частных интересов. Чаще всего органы конституционного контроля выявляют конституционно-правовой смысл норм отраслевых законов, придавая больший вес частным интересам в публичном праве и, напротив, социализируя частное право.

Должиков Алексей Вячеславович — доцент кафедры конституционного и международного права, заместитель декана юридического факультета по международным связям Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук.

alex-dolzhihov@yandex.ru

- ¹ *Авакьян С.А.* Конституционное право России: Учебный курс: В 2 т. Т. 1. М.: Юрист, 2005. С. 172.
- ² См.: *Лукашевич В.З.* Конституционный Суд Российской Федерации не может и не должен подменять законодателя // Правоведение. 2001. № 2. С. 53–63.
- ³ См.: *Corrin J.* From Horizontal and Vertical to Lateral: Extending the Effect of Human Rights in Post Colonial Legal Systems of the South Pacific // International and Comparative Law Quarterly. Vol. 58. 2009. No. 1. P. 31–71.
- ⁴ *Александров А.И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Науч. ред.: В.З. Лукашевич. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. С. 416.
- ⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 года № 27-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 51. Ст. 7552.
- ⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I) Ст. 4921; 2011. № 50. Ст. 7362.
- ⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 ноября 1995 года № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4551; Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 года № 5-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1749.
- ⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 года № 9-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 12. Ст. 1459.
- ⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 года № 8-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 15. Ст. 1768.
- ¹⁰ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2004 года № 448-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 3.
- ¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 50. Ст. 5679.
- ¹² Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 17. Ст. 2205.
- ¹³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 года № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 5. Ст. 611.
- ¹⁴ См.: *Бурмагин С.* Принцип состязательности в теории и судебной практике // Российская

- юстиция. 2001. № 5. С. 33–34; *Ноженко О.* Судьи голосуют за состязательность // Российская юстиция. 2001. № 11. С. 53–54; *Смирнов А. В.* Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состязательность // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 145–155 и др.
- ¹⁵ См.: *Божьев В.* «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9–11.
- ¹⁶ См.: *Арановский К. В.* О письменном производстве в конституционной юстиции России // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 2. С. 18–24.
- ¹⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 года № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 19. Ст. 1764.
- ¹⁸ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2011. № 50. Ст. 7362.
- ¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 года № 8-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 18. Ст. 2276.
- ²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 года № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 4. Ст. 531.
- ²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 года № 15-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2491.
- ²² Постановление Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 года № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 3. Ст. 335.
- ²³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2011 года № 25-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7333.
- ²⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 января 1996 года № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 4. Ст. 408.
- ²⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 5 октября 2000 года № 200-О // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).
- ²⁶ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552; 2008. № 27. Ст. 3123.
- ²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2000 года № 8-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 21. Ст. 2258.
- ²⁸ См. постановления Конституционного Суда РФ: от 14 апреля 2008 года № 7-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 18. Ст. 2089; от 30 июня 2011 года № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 27. Ст. 3991.
- ²⁹ См.: *Alkema E. A.* The Third-Party Applicability or «Drittwirkung» of the European Convention on Human Rights // Protecting Human Rights: The European Dimension: Studies in Honour of Gérard J. Wiarda / Ed. by F. Matscher, H. Petzold. Köln; Cologne: Carl Heymanns, 1988. P. 33–45; *Egli P.* Drittwirkung von Grundrechten: zugleich ein Beitrag zur Dogmatik der grundrechtlichen Schutzpflichten im Schweizer Recht. Zürich: Schulthess Juristische Medien, 2002; *Erichsen H.-U.* Die Drittwirkung der Grundrechte // Jura. 1996. H. 10. S. 527–533; *Von Münch I.* Die Drittwirkung von Grundrechte in Deutschland // Zur Drittwirkung der Grundrechte / I. von Münch, P. S. Coderch, J. S. i Riba (Hrsg.). Frankfurt am Main; New York: Peter Lang, 1998. S. 7–32.
- ³⁰ См.: *Gardbaum S.* Where the (State) Action Is // International Journal of Constitutional Law. Vol. 4. 2006. No. 4. P. 760–779; *Schmidt Ch. W.* The Sit-Ins and the State Action Doctrine // William and Mary Bill of Rights Journal. Vol. 18. 2010. No. 3. P. 767–829; *Strickland H. C.* The State Action Doctrine and the Rehnquist Court // Hastings Constitutional Law Quarterly. Vol. 18. 1991. No. 3. P. 587–665.
- ³¹ См.: *Alexy R.* Constitutional Rights and Constitutional Rights Norms in the Legal System // *Alexy R.* A Theory of Constitutional Rights. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. P. 349–387; *Gardbaum S.* The «Horizontal Effect» of Constitutional Rights // Michigan Law Review. Vol. 102. 2003. No. 3. P. 387–459; *Bryde B.-O.* Fundamental Rights as Guidelines and Inspiration: German Constitutionalism in International Perspective // Wisconsin International Law Journal. Vol. 25. 2007. No. 2. P. 189–208.
- ³² *Ходыкин П. М.* Принцип защиты прав и свобод человека и его влияние на содержание коллизивных норм // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права: Сборник статей / Под ред. С. Н. Лебедева. М.: Статут, 2006. С. 238–259, 251.

- ³³ См.: Муранов А. И. Права человека и международное частное право // Российский ежегодник международного права. 2003. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2003. С. 162–186.
- ³⁴ Federal Constitutional Court (Bundesverfassungsgericht). Judgment of the First Senate of 15 January 1958, 1 BvR 400/51 [Lueth Case] // Decisions of Federal Constitutional Court (BVerfGE). 1958. Vol. 7. P. 198 (<http://www.iuscomp.org/gla/judgments/tgcm/v580115.htm>).
- ³⁵ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2009 года № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 47. Ст. 5709.
- ³⁶ См.: Определение от 9 ноября 2010 года № 1483-О-О // Российская газета. 2010. 24 декабря.
- ³⁷ См.: Алтайская правда. 2007. 18 января; 2010. 11 декабря.
- ³⁸ Case 4/73, J. Nold, Kohlen- und Baustoffgroßhandlung v. Commission of the European Communities, Judgment of the Court of 14 May 1974 // European Court Reports. 1974. P. 00491 (<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61973CJ0004:EN:HTML>).
- ³⁹ См.: Case 103/88, Fratelli Costanzo SpA v. Comune di Milano, Judgment of the Court of 22 June 1989 // European Court Reports. 1989. P. 01839 (<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61988CJ0103:EN:HTML>).
- ⁴⁰ См.: Case 222/84, Marguerite Johnston v. Chief Constable of the Royal Ulster Constabulary, Judgment of the Court of 15 May 1986 // European Court Reports. 1986. P. 01651 (<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61984CJ0222:EN:HTML>).
- ⁴¹ См.: Case 152/84, M. H. Marshall v. Southampton and South-West Hampshire Area Health Authority (Teaching), Judgment of the Court of 26 February 1986 // European Court Reports. 1986. P. 00723 (<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61984CJ0152:EN:HTML>).
- ⁴² См.: Case C-188/89, A. Foster and Others v. British Gas PLC, Judgment of the Court of 12 July 1990 // European Court Reports. 1990. P. I-03313 (<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61989CJ0188:EN:HTML>).
- ⁴³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 3. Ст. 335.
- ⁴⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 2002 года № 3-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 7. Ст. 745.
- ⁴⁵ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2011 года № 29-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 2. Ст. 397.